Светлана ЕФРЕМОВА

РЕПИН В ГОСТЯХ У ВОЛОШИНА

Так называется совместный выставочный проект Дома-музея М.Волошина в Коктебеле и Художественно-мемориального музея И.Репина в Чугуеве. Эта история началась еще в 1913 году, когда московским книгоиздательством «Оле-Лукойе» была выпущена книга Волошина «О Репине», в которой автор размышляет о причинах, приведших к порче всемирно известной картины Репина «Иоанн Грозный и его сын». Как известно, картину изрезал в Третьяковской галерее некто А. Балашов, признанный врачами сумасшедшим.

В книге автор поставил вопрос о роли ужасного в искусстве. Однако общественность протестует, защищая картину с историческим сюжетом. Вот что пишет Волошин: «О самом факте уничтожения репинского «Иоанна Грозного» не может быть, разумеется, двух мнений. Будь это художественное произведение или исторический документ — это одинаково прискорбно. Но что касается прискорбия, то его выражением наполнены в настоящую минуту все органы русской печати. Что же касается дела спасения картины, все необходимое и нужное для этого, конечно, будет сделано при содействии самого художника. Это положение вещей дает мне право, заранее подписавшись под всеми формулами выражений сочувствия и протеста, остановиться на психологической стороне этого происшествия. Я совершенно сознательно говорю «психологической», потому что меня интересует вовсе не степень душевной болезни Абрама Балашова, а тот магнит, который привлек его к этой, а не к иной картине. Его крик: «Довольно крови! Довольно крови!» достаточно ясно говорит, что выбор его не был ни случаен, ни произволен. За минуту перед этим он простоял довольно

долго перед суриковской «Боярыней Морозовой», но на нее не покусился. Ясно, была какая-то невидимая черта, которую он не смог переступить в первом случае и переступил легко во втором. Мне сейчас вспоминаются слова Ницше о том, что в художественных произведениях не должна отсутствовать та черта, за которую не следует переступать творческой грезе, чтобы не действовать на нас болезненно, чтобы иллюзия не показалась нам грубой действительностью...».

В конце статьи Волошин заявляет, что картине не место в Третьяковской галерее. Она вредна и опасна. Далее была лекция Волошина на эту тему, затем диспут, где сторонники Волошина и Репина превратились в непримиримых противников на многие годы. Это сейчас никто не станет противопоставлять искусство Репина и художников группы «Бубновый валет», представлявших в тот момент идейных антагонистов. «Валетовцами» были Кандинский, Малевич, Фальк, Лентулов и другие, оставившие след в искусстве. Репину семьдесят, а они были молоды и дерзки.

Вот что пишет в статье очевидец тех событий: «Когда Репин не выдержал и встал, чтобы ответить, послышались голоса: «Идите на эстраду! Идите туда!». Растерявшемуся художнику показалась чудовищная вещь: ему показалось, что его гонят, и он сказал: «Если вы не хотите меня слушать, не надо!». И из глаз его покатились слезы... Разве можно перенести это?! Пускай художник ошибся, но какова должна была быть атмосфера, в которой возможна такая ошибка? Этих репинских слез, господа Волошины, вам не простит никто и никогда».

Диспут назвали позором времени. Для Волошина закрылись редакции, был объявлен бойкот его книгам. Он уединился в Коктебеле.

Картину же Репина реставрировали в кратчайшие сроки, поместили под стекло и вернули в Третьяковскую галерею, где она находится и по сей день. А Илье Ефимовичу была суждена долгая творческая жизнь. Он, кстати, создаст еще один вариант под названием «Сыноубийца».

Симферополь.2010.